

Выжлецов Павел Геннадиевич

Г. БРАНДЕС О ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕПИСКИ Ф. НИЦШЕ И Г. БРАНДЕСА)

В статье рассматривается интерпретация философии Ф. Ницше, осуществленная Г. Брандесом в контексте популяризации его личности и идей. При этом оказывается, что переписка между авторами дает ответ на вопрос, касающийся философских условий возможности истинности указанной интерпретации. Осмысление языка описания, метода и личностных установок Брандеса позволяет утверждать, что при рассмотрении работ Ницше он придерживался биографического и психологического, а не философско-эстетического подхода. Критика "психологизма" в западноевропейской мысли XIX века представлена на примере идей М. Хайдеггера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/9/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(71) С. 37-40. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

совершенно не основывается на метафизической структуре сотворенного или на диалектике бесконечной качественной дистанции/различия между Творцом и творением. Она диалогически основывается на историческом, но при этом метаэмпирическом акте отпадения от Творца. Проблематичность персоналистической концепции греха у Э. Бруннера обусловлена его фидеистическими установками, с одной стороны, и стремлением изложить христианские доктрины понятным современному человеку языком, с другой стороны.

Список литературы

1. **Линдер Р. Д.** Бруннер, Генрих Эмиль (Brunner, Heinrich Emil, 1889-1966) // Теологический энциклопедический словарь под редакцией Уолтера Элвелла. М.: «Духовное возрождение» ЕХБ, 2003. С. 202-204.
2. **Труфанов Д. О.** К проблеме иррационального в социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2007. № 1 (1). С. 253-255.
3. **Флоровский Г.** О последних вещах и последних событиях // Догмат и история. М., 1998. С. 444-465.
4. **Brunner E.** Der Mensch im Widerspruch: die christliche Lehre vom wahren und wirklichen Menschen. Berlin, 1937. 572 S.
5. **Brunner E.** Die christliche Lehre von Schöpfung und Erlösung. Zürich: Zwingli-Verlag, 1950. Bd. II. Dogmatik. 422 S.
6. **Brunner E.** Natur und Gnade. Zum Gespräch mit Karl Barth. Zürich, 1934. 60 S.

**PERSONALISTIC INTERPRETATION OF PROTESTANT HAMARTIOLOGY
IN EMIL BRUNNER'S CREATIVE WORK**

Vorokhobov Aleksandr Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Nizhny Novgorod Theological Seminary
vorokhobov@yandex.ru

The article analyzes personalistic interpretation of Protestant hamartiology in Emil Brunner's creative work. Such an approach, on the one hand, suits the Reformation anthropological purposes and, on the other hand, focuses on the dialectics of interpersonal relations between God and a human being. E. Brunner's hamartiology can be described as metaphysical actualism. Remaining incomprehensible in its essence, the totality of human sin is based on meta-empirical act of defection from God.

Key words and phrases: hamartiology; sin; Emil Brunner; Protestantism; religious anthropology; personalism.

УДК 165.745

Философские науки

В статье рассматривается интерпретация философии Ф. Ницше, осуществленная Г. Брандесом в контексте популяризации его личности и идей. При этом оказывается, что переписка между авторами дает ответ на вопрос, касающийся философских условий возможности истинности указанной интерпретации. Осмысление языка описания, метода и личностных установок Брандеса позволяет утверждать, что при рассмотрении работ Ницше он придерживался биографического и психологического, а не философско-эстетического подхода. Критика «психологизма» в западноевропейской мысли XIX века представлена на примере идей М. Хайдеггера.

Ключевые слова и фразы: Ф. Ницше; Г. Брандес; интерпретация; популяризация; философия; эстетика; М. Хайдеггер; «психологизм».

Выжлецов Павел Геннадиевич, к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
vuzhletsov@mail.ru

**Г. БРАНДЕС О ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕПИСКИ Ф. НИЦШЕ И Г. БРАНДЕСА)**

В контексте современной ницшеаны считается, что именно Г. Брандес «совершил первое главное открытие Ницше» [11, р. 289]. Вместе с тем, попытка первого истолкования философии Ницше, по-видимому, принадлежала все же не Брандесу, а К. Шпиттелеру. Есть основания полагать точкой отсчета ницшеаны первый обзор «творчества Ницше в целом» [10, с. 296], принадлежавший К. Шпиттелеру, опубликованный 1 января 1888 г. К. Шпиттелер – швейцарский писатель, впоследствии ставший лауреатом Нобелевской премии (1919).

В нескольких письмах Ф. Ницше охарактеризовал статью Шпиттелера [3, с. 66-67]. Согласно Ницше, последний сосредоточился на вопросах «эстетики», – в основном «формы» («...он проводит различия между формой разных книг и периодов») и «стиля» [4, с. 298, 299]. В результате Шпиттелер прошел мимо философского содержания («сути дела» по Ницше) и «проблем» [Там же, с. 298]. Также, согласно Ницше, он читал его работы в первый раз, а многие не читал совсем [Там же]. В книге «Ессе homo» Ницше сделал вывод как об «общем обзоре» своих сочинений, осуществленном К. Шпиттелером, так и о статье П. Видманна: «...каждое предложение здесь... оказывалось поставленной с ног на голову истиной...» [5, с. 224].

Вместе с тем, именно Г. Брандес положил начало будущей мировой известности Ф. Ницше. Георг Брандес (1842-1927) – датский критик, историк и исследователь литературы своего времени, публицист и писатель.

Ницше увидел у него «дар» к «психологической оптике» и способность разрешать сложнейшие задачи «современной души» [4, с. 293]. В апреле и мае 1888 г. Брандес с целью популяризации прочитал пять публичных лекций в университете Копенгагена о личности и идеях Ницше и положил начало его будущей известности.

Появлению замысла лекций предшествовала переписка Ф. Ницше с Г. Брандесом, и первый выступил ее инициатором [3, с. 67]. Нужно уточнить, что письма Ницше значимы в контексте его наследия. Так, М. Хайдеггер подчеркивает, что автобиографические записи, включая письма и дневники, связаны с осмыслением Ницше своей задачи: «...наброски к своим письмам он записывает прямо в “рукописи” – ...потому, что эти письма (ибо и они суть размышления) принадлежат его сочинениям» [9, с. 227].

В переписке следует особо выделить две темы: 1) высказывание «аристократический радикализм» (Г. Брандес); 2) популяризацию Ф. Ницше как личности и философа, предполагающую и истолкование его текстов. В данном случае следует поставить вопрос о том, дают ли письма ответ на вопрос, касающийся условий возможности истинной интерпретации философии Ницше.

Аристократический радикализм. Переписка началась с письма Г. Брандеса от 28 ноября 1887 г., где он, в частности, писал: «Духом новизны и самобытности веет от Ваших книг. Я не совсем еще понимаю то, что я прочел, мне не всегда ясно, к чему Вы стремитесь. Однако многое согласуется с моими... мыслями и симпатиями – пренебрежение к аскетическим идеалам и глубокое неприятие демократической усредненности, Ваш аристократический радикализм» [4, с. 288]. В этом же письме Брандес упоминал о своем способе прочтения текстов, о некотором «вчувствовании» (в контексте того, что ему «нелегко бывает вчувствоваться») [Там же, с. 289]. В первом же письме Брандес различил свое, – то, что «согласуется» с его воззрениями, и чужое («чуждое»), – то, что не согласуется с ними. На этом различии он часто делал акцент и в дальнейшем [2, с. 49].

В ответном письме Брандесу, написанном 2 декабря 1887 г., Ницше обратил особое внимание на высказывание, в котором он обнаружил принципиальную характеристику своей работы: «Выражение “аристократический радикализм”, которое Вы употребили, очень удачно» [4, с. 287]. Ницше назвал это высказывание наиболее «толковыми словами» о себе: «Как далеко этот образ мыслей меня уже завел в моих идеях, как далеко он меня еще заведет – это я почти, что боюсь себе и представить» [Там же]. По-видимому, Ницше усмотрел за высказыванием «аристократический радикализм» нечто несравнимо большее, чем оно содержало в себе. А именно, он увидел в нем обозначение того философского призвания, которое определяло его «образ мыслей», строй и последовательность идей [3, с. 67].

В то же время, Ницше немногим ранее назвали «философом юнкерской аристократии» [4, с. 283], а он признавал лишь надсловную аристократию свободных умов, способную созидать великое и достойное – высшую культуру и новые ценности; ту аристократию, которой, по замечанию Р. Дж. Холлингдейла, не существовало в форме конкретно-исторического сословия.

В следующем письме Брандеса от 17 декабря 1887 г. проясняется аспект, важный для интерпретации, осуществленной Брандесом в целом: «Я употребил выражение “аристократический радикализм”, поскольку именно это соответствует моим политическим убеждениям» [Там же, с. 290]. Из фрагмента следует, что под высказыванием «аристократический радикализм» Брандес понимал: 1) личные «убеждения»; 2) их «политический», а не философский характер [2, с. 50]. То есть, Брандес спроецировал свои воззрения на тексты Ницше, и шире, – искал «совпадений» со своими «вкусами» [4, с. 290]. Поэтому не удивительно то, что оба приписали высказыванию «аристократический радикализм» различный смысл [3, с. 67]. Так, согласно предположению Э. Белера, за высказыванием Брандеса обнаруживается «индивидуализм» как характеристика мышления и личности Ницше, – «аристократический радикализм или индивидуализм» [11, р. 291]. А Ницше, наверно, относил к радикализму избранных, – «воспитателей», которые «сами воспитаны», – «аристократов духа» [5, с. 56], что делает актуальной проблему самости.

Об интерпретации философии Ф. Ницше. В письме от 11 января 1888 г. Брандес писал, что перечитывает все книги Ницше, которые у него были, замечая: «Есть пара мостов, которые ведут от них к моему внутреннему миру: цезаризм, ненависть к педанству, вкус к Бейлю и т.д. Но по большей части они мне еще чужды. Кажется, что наши с Вами переживания... бесконечно разнородны» [4, с. 295].

Следует отметить, что в письме от 7 марта 1888 г. Брандес увидел свою «жизнь в борьбе» с «господствующей всюду посредственностью» [Там же, с. 304-305]. В ответном письме от 27 марта 1888 г. Ницше выразил «преклонение» перед тем, «кто под пасмурным небом не теряет веру в себя, не говоря уже о вере в “человечество”...» [Там же, с. 307]; перед тем, кто способен на «борьбу» и с более «самобытными натурами» [Там же]. В частности, и на этих основаниях Ницше причислил Брандеса к «немецкому романтизму» («Ваш “Немецкий романтизм”») [Там же]. В данном контексте следует отметить, что В. Виндельбанд обнаруживал «иррационализм» в движении «бури и натиска» [1, с. 301], где утверждалась загадочность, скрытость человеческой «индивидуальности». Согласно Виндельбанду, «иррациональное» начало, которое реализовывалось в поэзии, исходило из «чувства», что самое «единичное», а именно, – «индивидуальность» конкретного человека, не выводима «из общего», что «в личном существовании» сохраняется «нечто непроницаемое» [Там же, с. 300]. Это «непроницаемое» есть «граница» и перед ней познающий разум «должен» останавливаться, поскольку: «Это сокровенное можно только чувствовать, переживать» [Там же]. Таким образом, понятия – «переживание», «борьба» с «посредственностью» – сближают Брандеса с традицией романтизма.

Далее следует наметить те терминологические особенности, посредством которых устанавливаются различия, отчасти задающие и структуру переписки. А именно: родство – чуждость («переживаний», Брандес), совпадения – несовпадения («вкуса»), нравится – «не нравится» (Брандес об идеях Ницше). Нужно подчеркнуть, что терминология, связанная с «переживанием», «вкусом», «вчувствованием» (Г. Брандес), «немецким

романтизмом» (Ф. Ницше), по меньшей мере, косвенным образом относится к области эстетики. Прояснить вопрос относительно того, насколько указанные термины соответствуют внутреннему философскому содержанию эстетики, может помочь небольшой экскурс.

Рассматривая историко-философский ракурс становления эстетики, М. Хайдеггер подчеркивает: «у греков были не переживания, а настолько... ясное знание» [9, с. 81], что им не было нужды в «эстетике». В исторических истоках существо будущей эстетики заключалось в философии: «Философское размышление о сущности искусства и прекрасного уже *начинается* как эстетика» [Там же, с. 80]. Во время Платона и Аристотеля начиналось осмысление искусства в ракурсе категорий «формы» и «материи», а «произведение искусства» являло себя через соответствие со своим эйдосом. Поэтому: «...подлинно себя являющее и ярчайшее, есть прекрасное» [Там же, с. 82]. Другой аспект в осмыслении искусства греками характеризуется через соотношение понятий «фюзис» и «технэ», где «технэ» сначала обозначало такое «знание», которое определяло способы человеческого «созидания». В связи с тем, что позднее понимание «технэ» стали связывать «...с изготовлением и представлением красивых вещей, осмысление искусства через постижение прекрасного перемещается в область эстетики» [Там же, с. 84].

Согласно М. Хайдеггеру, Новое время было вызвано к жизни изменениями в истории человечества вообще, что привело к формированию следующей установки: «Человек и его свободное знание о себе самом... его свободное самоопределение, его способ восприятия и чувствования вещей, короче, “его вкус”, выносит решение о сущем» [Там же, с. 85]. Именно в эту эпоху происходит обоснование эстетики, в области которой осмысление прекрасного осуществляется посредством соотношения «с чувствованием человека», а эстетика должна стать при сопоставлении с метафизикой «логикой чувственности» [Там же]. По мере утверждения эстетики происходит распад «великого искусства», и поэтому само «...искусство утрачивает свою суть: ...представлять абсолют, то есть утверждать его как некое мерило в сфере существования человека в истории» [Там же, с. 86]. Согласно М. Хайдеггеру, вместо реализации указанной задачи в XIX веке «...знание об искусстве превращается в разыскание и исследование чистых фактов из его истории» [Там же, с. 91]. То есть, определяющим путем развития становится специализация этого знания, осуществляющаяся в поле исследований по «истории искусства». В результате, согласно М. Хайдеггеру: «Эстетика превращается в психологию, действующую по принципу естественных наук, то есть чувствования как наличные факты подвергаются эксперименту, наблюдению и измерению...» [Там же, с. 92]. Позитивистские тенденции проявляются в применении естественнонаучного критерия к эстетической сфере, что приводит к господству «психологизма» и в области литературных исследований.

Поэтому характеристика М. Хайдеггера показательна и в случае с Г. Брандесом. Как уже отмечалось, изучая книги Ницше, последний искал «совпадений» со своими «вкусами» [4, с. 290], а то, что с ними не совпадало, истолковывал скорее софистически. Следует также отметить, что в университете Брандес изучал эстетику и философию (Г. Гегеля и Л. Фейербаха) и получил докторскую степень за работу по эстетике. Обратившись преимущественно к исследованию литературы, Брандес долго следовал подходу И. Тэна, но обнаружил, что данный подход ведет «к построению истории литературы без авторов» [8]. В результате в 1880-х гг. он стал следовать методу, построенному по образцу, предложенному Сент-Беном, в котором сказались позитивистские тенденции: «...мы еще не знаем... произведения прошлого, пока нам не удалось уяснить себе душевное состояние, из которого оно возникло, и составить себе представление о личности, оставившей нам его» [Там же]. На этом основании метод Брандеса, который он применил и к текстам Ницше, характеризуется как «портретно-биографический», где исторические, культурные, духовные события оказывались лишь «фоном» для «психо-биографической конструкции писателя» [Там же]. Таким образом, например, источник произведения обнаруживался не в духовном самосознании эпохи, ориентированном на «абсолют» (М. Хайдеггер), а в душевной жизни автора.

Популяризация Ф. Ницше как личности и философа. В письме Ницше от 3 апреля 1888 г. Брандес сообщал, что он «ощутил» нечто сродни «гнева» из-за того, что Ницше совсем неизвестен в Скандинавии, и «решился разом сделать Вас известным», анонсировав в газете «лекции о Ваших произведениях» [4, с. 308].

С этого момента в переписке появилась практическая направленность, – Ницше должен обрести известность в кругах образованной публики Скандинавии, впоследствии и более широкую, а Брандес внести в этот процесс, решающий вклад, причем он наметил шаги к успеху: автобиография, портрет, реклама в крупной газете, статья.

Как отмечалось выше, в апреле и мае 1888 г. Г. Брандес прочитал пять лекций в университете Копенгагена «“О немецком философе Фридрихе Ницше”. Лектор – приват-доцент доктор Георг Брандес» [Там же, с. 316]. В письме от 23 мая Брандес рассказал о прочитанных им лекциях, и оно стало основным источником знания Ницше о своей зарождающейся популярности.

Брандес видел свою заслугу в том, чтобы доступно для публики изложить то, что в исходной «форме» содержалось у Ницше; дать характеристику отношения последнего к современникам и ознакомить с «мастерской» его мысли; выделить сходства, а затем провести различия между своими идеями и идеями Ницше; представить «психологический портрет автора» [Там же, с. 317]. Брандес сообщал, что имя Ф. Ницше обрело популярность среди образованных людей в Копенгагене, и подчеркивал, что не относит «чисто философское» к своей специальности и поэтому не считает себя «достаточно компетентным» [Там же] в этой сфере. На основании сказанного, он отказывался от публикации своих лекций и позднее повторил: «Я лишь некомпетентен» [Там же, с. 329].

Констатация Брандесом своей некомпетентности в области философии, наряду с использованием психолого-биографического метода, подчинившего себе и содержание терминологии («переживание», «вкус»,

«вчувствование»)), обусловили невозможность философской интерпретации текстов Ницше [3, с. 68] в лекциях и эссе. Современный исследователь Э. Белер характеризует Брандеса как такого критика, который видел свою задачу в открытии новых авторов, а не только в изучении известных произведений, и он обладал особым талантом, состоявшим «в умении почувствовать именно то, что его современники хотели услышать» [11, р. 289]. Последний аспект, заключающийся в том, что Брандес проговаривал те мысли, которые соответствовали взглядам большей части образованной публики, – открывает возможность сопоставления активности Брандеса с деятельностью софистов.

Г. Брандес частично опубликовал свои лекции в газете «Politiken», и они стали основой для эссе «Ф. Ницше: аристократический радикализм» (1889) [Ibidem]. Подход Брандеса в эссе представляет собой обзор ряда книг Ницше. Так, отмечая, что он не считает необходимым рассматривать все работы, Брандес формулировал задачу следующим образом: «...изобразить в рельефе наиболее оригинальные мысли его и выражения, так, чтобы читатель мог... составить себе представление» об уме и характере «этого мыслителя» [7, кн. XI, с. 146]. Примером биографического подхода может послужить то, что Брандес называет Ницше «польским шляхтичем, европейски-воспитанным светским человеком и космополитическим мыслителем», а взаимосвязанного с ним психологического, – что он раздражается «бранью» против своих «соперников», которых ненавидит, а это и выдает в Ницше «немецкого профессора» [Там же, кн. XII, с. 161]. Одновременно Ницше характеризуется и как «немецкий современный философ», конкурентами которого были лишь Н. Гартман и Е. Дюринг [Там же], причем как над книгами Ницше, так и Гартмана, хоть и отчасти, но все же веял «дух Бисмарка» [Там же, с. 160]. Особенности интерпретации Брандеса в лекциях и эссе Э. Белер иллюстрирует так, – когда Ницше критиковал «культурный прогресс», счастье человека, «мораль общества благосостояния», Брандес возражал ему, утверждая, что целью «морали общества благосостояния» является обеспечение человечеству «больше удовольствия и меньше боли» [11, р. 290]. То есть, оказывается, что: «...Ницше... не приводил доводов против принципа благосостояния в морали; его аргументация осуществлялась на совершенно другом уровне» [Ibidem].

В заключение нужно подчеркнуть, что деятельность Э. Ферстер-Ницше в сотрудничестве с П. Гастом по подготовке третьего издания собрания сочинений Ф. Ницше позволяет Р. Дж. Холлингдейлу сделать следующий вывод о Ницше в связи с его смертью 25 августа 1900 г.: «Он не знал ни того, что стал знаменит, ни того, что эта известность покоится на искажении почти всего, чему он учил» [10, с. 380]. Вторая часть высказывания в полной мере характеризует и интерпретацию, осуществленную Г. Брандесом.

Список литературы

1. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история / пер. с нем. М.: Юрист, 1995. 687 с.
2. Выжлецов П. Г. Философские и культурные аспекты переписки Ф. Ницше и Г. Брандеса // Научная сессия ГУАП: сб. докл.: в 3-х ч. СПб.: ГУАП, 2011. Ч. III. Гуманитарные науки. С. 49-53.
3. Выжлецов П. Г. Э. Белер о некоторых рецепциях и интерпретациях философии Ф. Ницше // Вопросы культурологии. М., 2013. № 6. С. 65-70.
4. Ницше Ф. Письма / сост., пер. с нем. И. А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2007. 400 с.
5. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2009. Т. 6. Сумерки идолов. Антихрист. Эссе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Я. Э. Голосовкера и др.; науч. ред. И. А. Эбаноидзе. 408 с.
6. С-а В. Фридрих Ницше. Аристократический радикализм. Статья Георга Брандеса / пер. с дат. // Русская мысль. М., 1900. Кн. XI. С. 130-153.
7. С-а В. Фридрих Ницше. Аристократический радикализм. Статья Георга Брандеса / пер. с дат. // Русская мысль. М., 1900. Кн. XII. С. 143-161.
8. Фриче В. Брандес Георг [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия. 1930. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/le1/le1-5741.htm?cmd=2&istext=1> (дата обращения: 23.08.2016).
9. Хайдеггер М. Ницше: в 2-х т. / пер. с нем. А. П. Шурбелев. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 608 с.
10. Холлингдейл Р. Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души / пер. с англ. А. В. Милосердовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 383 с.
11. Behler E. Nietzsche in the Twentieth Century // The Cambridge Companion to Nietzsche / edited by B. Magnus and K. M. Higgins. Cambridge University press, 1996. P. 281-323.

G. BRANDES ON F. NIETZSCHE'S PHILOSOPHY (BY THE MATERIAL OF THE CORRESPONDENCE BETWEEN F. NIETZSCHE AND G. BRANDES)

Vyzhletsov Pavel Gennadievich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
vyzhletsov@mail.ru

The article examines the interpretation of F. Nietzsche's philosophy proposed by G. Brandes with a view to popularize his personality and conceptions. It appears that the correspondence between the authors answers the question regarding the philosophical provisions for the mentioned interpretation to be valid. Studying Brandes' original style, method and personal attitudes allows concluding that in relation to Nietzsche's works he followed the biographical and psychological approach rather than the philosophical and esthetical. The criticism of "psychologism" trend in the West European thought of the XIX century is represented by the example of M. Heidegger's conceptions.

Key words and phrases: F. Nietzsche; G. Brandes; interpretation; popularization; philosophy; esthetics; M. Heidegger; "psychologism".